

Костылев Ю.С.

Екатеринбург, Россия

ОБРАЗ КИТАЙЦА В ТЕКСТАХ ПЕРИОДА
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КИТАЕ
1945-1949 ГГ.

УДК 81'27

ВВК III 100.3

Аннотация. Автор описывает, как образ врага (гоминьдановца) был представлен в советской массовой печати времен гражданской войны в Китае 1945-1949. Анализируется, какие языковые средства были использованы при создании этого образа и какими специфическими чертами и особенностями наделаются маоисты и сторонники Чан Кай-ши при описании в текстах этого периода. Такой подход позволяет проследить развитие образа в период гражданской войны в Китае 1945-1949 гг.

Ключевые слова: образ врага, военная пропаганда, советская массовая печать, Гоминьдан, Чан Кай-ши, гражданская война в Китае 1945-1949

Сведения об авторе: Костылев Юрий Сергеевич, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания.

Место работы: Уральский государственный университет им. А.М. Горького.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 285.

E-mail: levesna@yandex.ru.

Kostylev J.S

Ekaterinburg, Russia

THE IMAGE OF A CHINESE IN THE TEXTS
OF CIVIL WAR PERIOD IN CHINA
1945-1949

ГСНТИ 16.21.27

Код БАН 10.02.19

Abstract. The author describes how the image of an enemy (a member of the Kuomintang) was presented in Soviet mass press during the period of the Chinese Civil War 1945-1949. While analyzing the means used in creating this image attention was given to specific features and characteristics that became part of the Maoists and of the Chiang Kai-shek's supporter's descriptions in 1945-1949. This approach makes it possible to trace the development of the image in this period of time.

Key words: Image of the enemy, military propaganda, the Soviet mass press, Kuomintang, Chiang Kai-shek, Civil War in China 1945-1949

About the author: Kostylev Jurij Sergeevich, Postgraduate Student of the Chair of the Russian Language and General linguistics

Place of employment: Ural State University

Гражданская война в Китае стоит в одном ряду с другими гражданскими войнами 1945-1953 гг. С учетом заинтересованности СССР в том, каким будет послевоенный мир, советская пропаганда приложила определенные усилия для освещения этих конфликтов. В эти годы советская пропаганда создавала образ врага, главная особенность которого состоит в том, что к нему довольно ограниченно применимы национальные подходы, поскольку и враг, и противник принадлежали к одному народу. В данной статье рассматривается, каким образом советская центральная печать создавала образ китайца-врага с учетом указанного фактора.

Особенностью гражданской войны в Китае стало то, что позиции врага и союзника СССР не были определены с должной четкостью и недвусмысленностью. Во время Второй мировой войны Советский Союз находился в одном лагере с правительством Чан Кай-ши, рассматривал его как союзника и поддерживал отношения с гомиьндановским правительством практически до взятия Нанкина 23 апреля 1949 г. Однако в 1945-1949 гг. Гоминьдан рассматривался уже в качестве противника, в то время как КПК – в качестве союзника.

Указанное выше неопределенное отношение к Гоминьдану практически до конца войны накладывало отпечаток на специфику формирования образа врага в этом конфликте. Именно этим можно объяснить тот факт, что на начальном этапе войны не коммунисты, а именно гомиьндановская администрация могла являться в глазах советской пропаганды представите-

лем Китая как страны: «В Токийский залив прибыли первые 8 кораблей, переданные американцами китайскому правительству» (Правда 17.07.1946); «Контрабандные товары <...> провозятся американским персоналом на судах, которые не обыскиваются китайскими властями» (Правда 27.06.1946). Но китайцами могли быть названы и маоисты: «Передовые китайские патриоты подняли свой голос протеста против междоусобной войны [речь идет о позиции маоистских делегатов на переговорах с Гоминьданом]» (Правда 5.07.1946).

Очевидно, в свете этого требовалось какое-то средство для текстового различения врага (Гоминьдана) и союзника (КПК). Одним из таких средств стало использование фактически нейтрального именованного врага по принадлежности к партии (например, гомиьндановцы). Более негативным определением врага становится именование его реакционером: «Провокация китайских реакционеров» (Правда 23.06.1946); «Попытки реакционеров внезапным наступлением захватить Яньань потерпела крах» (Правда 5.07.1946). Такие номинации способствовали тому, что адресат текста получал представление о расстановке сил в конфликте.

Массовая печать не отрицала того, что конфликт разворачивается в рамках одной страны и одной нации, но указывал, что война происходит между реакционными и прогрессивными силами. При этом часто реакционеры называются не все гомиьндановцы, а часть их: «Они давно поддерживают реакционные элементы гомиьндана»; «Пленум ЦИК гомиьн-

дана, состоявшийся в марте с.г. и прошедший под знаком засилья реакционеров» (Правда 5.07.1946); «Призыв к поддержке реакционных кругов гоминьдана» (Правда 15.09.1946). Следует заметить, что раскол в Гоминьдане имел место в действительности, и советское правительство пыталось за счет гоминьдановцев, сочувствующих коммунистам, примирить враждующие стороны. Поэтому в указании на наличие реакционных кругов в Гоминьдане можно усмотреть надежду на урегулирование конфликта мирным путем, а также стремления советской пропаганды показать врага лишенным единства.

Встречается также закрепившееся за врагом к этому времени именование милитарист: «Нападения войск Янь Си-шаня и других милитаристов на восьмую армию в июне-июле 1945 года были отражены» (Правда 5.07.1946). Здесь слово милитарист имеет, скорей, терминологическое значение, поскольку так называли губернаторов китайских провинций, сохранявших известную независимость от центральной власти, имеющих собственные войска и постоянно враждующих друг с другом. Однако нельзя отрицать наличия негативной коннотации, закрепившейся за этим словом, и связанную с ним возможность лишней раз подчеркнуть агрессивность врага. Раздробленность Китая, слабость центральной власти, обилие провинций, находящихся под властью милитаристов, давало советской пропаганде повод сравнить эту ситуацию с феодальной раздробленностью и назвать врага-милитариста феодалом: «Одной из ярких фигур среди феодалов – членов руководящей верхушки гоминьдана – является известный старый милитарист Янь Си-шань»; «Милитаристы-реакционеры типа Янь Си-шаня, которые всегда смотрели на свои войска как на феодальную дружину» (Правда 5.07.1946). Такие характеристики в значительной степени отражали реальную действительность, а слово феодал имело в контексте советских представлений явно негативный оттенок и работало на создание соответствующего образа противника.

В этот период также могли использоваться (хотя и довольно редко) неоднократно опробованные в советской печати лексемы типа провокация, интрига: «Преодолевая атаки и провокации реакционеров, китайские демократы упорно и самоотверженно продолжали за национальное единство <...> Объективные иностранные наблюдатели со своей стороны отмечают антинародный характер интриг реакционных кругов» (Правда 5.07.1946), клика, шайка: «Имело место нападение шайки агентов специальной службы на группу представителей от населения Шанхая» (Правда 27.06.1946); «Образуя различные клики, эти группы <...> сплоченно выступают против демократического движения» (Правда 5.07.1946).

Наиболее часто в этот период для обозначения врага используются нейтральные лексемы, отражающие его место в политической борьбе (гоминьдановцы, правительство и т.п.): «Разногласия между коммунистами и национальным правительством» (Правда 14.08.1946); «Гоминьдановские самолеты обстреляли госпиталь»; «Об американской помощи гоминьдану» (Правда 31.08.1946); «Японцы в войсках гоминьдана» (Правда 5.07.1946); «Мобилизация в гоминьдановские войска продолжается» (Правда 13.10.1946).

Таким образом, на начальном этапе войны, когда победа одной из сторон была под вопросом и приходилось учитывать возможность мирного сосуществования коммунистов и гоминьдановцев и образования коалиционного правительства, образ врага не манифестировался как резко негативный, постоянно подчеркивалось наличие «здоровых» сил внутри Гоминьдана, тогда как клики, реакционеры, милитаристы и т.п. составляли лишь часть его.

Но при переходе конфликта в особо активную фазу начинается возврат к традиционным формам создания образа врага, поскольку Советскому Союзу важно было продемонстрировать моральную поддержку маоистов. Например, занятые коммунистами районы называются освобожденными: «Гоминьдановцы используют американские самолеты для бомбардировки освобожденных районов» (Правда 13.09.1946). Слово милитаризм и его производные приобретают типичную семантику и контекстное окружение: «Тем самым правительство обнаружило милитаристические намерения» (Правда 12.10.1946). Но, тем не менее, гоминьдановское правительство продолжает называться правительством, силы Гоминьдана китайским и т.п.: «Штаб китайского генерала Янь Си-шаня в городе Тайюань» (Правда 12.10.1946).

Коренным образом ситуация меняется, когда поражение Чан Кай-ши стало неизбежным и становится ясно, что коммунисты – это именно та сила, с которой придется налаживать отношения после войны. Поскольку симпатии к маоистам со стороны советской пропаганды очевидны, а их победа не вызывает сомнения, образ врага начинает строиться на уже неоднократно испытанных принципах.

Возникает тема предательства врагом своего народа, различия интересов китайцев и Гоминьдана: «[Гоминьдановский] режим национального предательства, феодального гнета и колониальной эксплуатации»; «Продажные гоминьдановские правители, саботажники общенародной войны»; «Ныне китайская земля очищается от лютых врагов народа» (Правда 5.10.1949); «Ничтожная клика Чан Кай-ши, кучка матерых предателей» (Правда 10.10.1949). Именование врага матерым подчеркивает его давнюю «привычку» к предательству и отсылает адресата к тем временам, ко-

гда отношения СССР и гоминьдановского Китая были испорчены в первый раз в 1930-е гг.

Китайцами, китайскими гоминьдановцы теперь могут называться только иронически, что в тексте отражается заключением в кавычки и использованием оборота *так называемый*: «Цзян Тин-фу, так называемый “китайский представитель” в ООН» (Правда 10.10.1949).

Используемые на раннем этапе войны способы характеристики врага (именование врага *реакционером, кликой* и т.п.) теперь распространяются не на часть гоминьдановцев, а на всю партию, поскольку борьба была близка к завершению: «Победы китайской демократии являются вместе с тем поражением темных реакционных сил внутри страны» (Правда 5.10.1949); «Ничтожная и презираемая народом клика чанкайшистских банкротов» (Правда 10.10.1949); «Они [мятежные войска] заявили о разрыве с реакционной кликой» (Правда 6.08.1949); «Финансовая и военная помощь клике Чан Кай-ши» (Правда 10.10.1949). Правление Чан Кай-ши теперь называется режимом: «Свергли прогнивший реакционный гоминьдановский режим» (Правда 5.10.1949).

Подчеркивается несамостоятельность действий Гоминьдана, зависимость его политики от более сильного государства (США). Зачастую для этого используется экспрессивная лексика: «При помощи презренных гоминьдановских лакеев США собирались задушить демократические силы Китая» (Правда 5.10.1949); «Гоминьдановцы разоблачили себя, а заодно и своих американских покровителей» (Правда 10.10.1949).

Лексика, характеризующая врага, на заключительном этапе войны становится более экспрессивной: «Ничтожная и презираемая народом клика чанкайшистских банкиров» (Правда 10.10.1949); «Ачесон характеризует гоминьдан как продажную, развращенную, прогнившую клику» (Правда 11.08.1949); «Чан Кай-ши убухал в явно безнадежное дело и американские миллиарды долларов» (Правда 11.09.1949).

Для указания на скорую гибель Гоминьдана и невозможность его победы используются лек-

семы типа *прогнивший, распадающийся* и т. п.: «Американские представители в Китае предъявили новые требования распадающемуся гоминьдановскому режиму» (Правда 1.01.1949); «Свергли прогнивший гоминьдановский режим» (Правда 5.10.1949). Используется для этого и лексика экономической сферы, актуализирующая идею торговли родиной: «Кляуза гоминьдановских банкротов»; «Банкротство Чан Кай-ши – это банкротство политики Трумэна в Китае» (Правда 10.10.1949). Редко могла использоваться характеристика *марионетка*, ставшая одной из основных позже, в годы войны в Корее 1950–1953 гг.: «Бывший член нанкинского марионеточного правительства Чжоу Фо-хай» (Правда 24.07.1946).

Таким образом, можно сказать, что основными чертами речевого портрета политического врага в этот период становятся следующие:

- отражение антинародной сущности, склонности к предательству Китая, выраженное в лексемах типа (*продажный, предатель, саботажник* и т.п.);
- манифестация стремления к борьбе с прогрессом (*реакционный, реакционер* и т.д.);
- указание на невозможность длительного продолжения борьбы и самого существования (*распадающийся, прогнивший* и т.п.)

В начале войны, когда было не ясно, придут ли к власти союзники-коммунисты, и существовала реальная возможность того, что именно чанкайшисты будут представлять Китай на международной арене, советская пропаганда описывала врага в сравнительно мягких тонах. Затем, когда победа коммунистов стала реальностью, образ начал развиваться, получил новые черты. Тем не менее и тогда он оставался сравнительно «мягким». Очевидно, корни неразработанности образа нельзя искать только в возможной победе врага или недостаточном внимании советской пропаганды к этому конфликту. Можно предположить такую причину как учет советской печатью моральной усталости России от войны – чрезмерно настойчиво навязывать читателю новый образ врага было бы нецелесообразно.

© Костылев Ю.С., 2010